

В.Е. ЛАРИЧЕВ, А.П. БОРОДОВСКИЙ

древние КЛАДЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ

«Наверное, это какая-то деталь, оставленная в поле после ремонта, а затем запаханная» — подумал Семен Алексеевич, когда лемех плуга, тянувшийся за идущим впереди «Кировцем», вывернул из земли нечто громоздкое. И вдруг в глаза бросились клочья ослепительно белой бересты, веером рассыпавшейся на вывернутых черных земляных пластах. «Откуда она тут, в открытой степи?» — Семен Алексеевич сошел с трактора и, ухватившись за массивные торчавшие дужки, вытянул огромный котел, изготовленный из красной бронзы...

ЛАРИЧЕВ Виталий Епифанович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора археологической теории и информатики Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). Археолог, историк-востоковед, исследователь интеллектуального и духовного мира древнего человека каменного века и эпохи металла

БОРОДОВСКИЙ Андрей Павлович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). С 1989 г. — начальник Центрально-алтайского археологического отряда, проводил исследования в Северной Кулунде, Верхнем Приобье, на Среднем Енисее, Катунь

Клад — это манящее и тревожащее воображение слово — вызывает у обычных людей массу стандартных, хотя и романтических ассоциаций: пираты, капитан Кидд, «сундук мертвеца», набитый золотом... Археологи и историки более сухи и точны в своих определениях: *клад* — комплекс предметов, намеренно сокрытый в землю после определенного процесса его собирания.

Древние клады относятся к одним из наиболее интересных и информативных археологических и исторических источников в мировой и отечественной археологии. На обширных территориях от Среднего Енисея до Верхней Оби обнаружены десятки кладов, среди них Июсский, Косогольский, Знаменский, Ново-Обинцевский, клад у Черной речки в окрестностях г. Томска. Наиболее древние из кладов, обнаруженных в Южной Сибири, относятся к эпохе мезолита, однако большая часть их приходится на эпоху металлов, особенно на период раннего железного века.

Сокровище «Сундука»

Открытия обычно делает тот, кто способен увидеть необычное в привычном и повседневном. Июсский клад был обнаружен в 1970-х гг. С. А. Фефеловым, рабочим Июсского совхоза в Хакасии, при обработке поля около небольшого озера Сарат. Когда Семена Алексеевича через несколько дней после этого особого в его жизни события спросили, что подтолкнуло его подойти к тому месту, где залегал «клад», то последовал неожиданный ответ: «Береста». Было, однако, чему удивиться.

Поле это, расположенное в 30 км от поселка Июс, распахивалось в течение уже многих лет. И когда лемех плуга, который тянул за собой идущий впереди «Кировец» сына Фефелова, Владимира, вывернул нечто громоздкое и металлическое, то Семен Алексеевич вначале не обратил на это внимания. Но потом бросились в глаза клочья ослепительно белой бересты на черной земле. «Кировец» старшего Фефелова остановился рядом со

странной находкой, и Семен Алексеевич вытянул из земли бронзовый котел. В нем оказались более сотни разнообразных предметов (в том числе более десяти крупных бронзовых пластин с причудливым узором), часть кожаной сумки и что-то похожее на остатки берестяного туюска, кусочки которого и рассыпал по кромке вспаханного поля плуг сына...

Найденный клад, состоящий из многочисленных бронзовых предметов искусства так называемой *тагарской эпохи* (VIII—III вв. до н.э.), для археологов — находка неслучайная. Вся округа горы Сарат, оконтуренная правым берегом очень крутой излучины реки Белый Июс, насыщена большим количеством разнообразных памятников (могильниками, наскальными изображениями, «поминальниками» и т.п.).

На восточной окраине горы Сарат размещается одно из самых известных скальных астросвятилищ,

названное местным населением «Саратский Сундук». Сама гора Сарат входит в границы своеобразного природного региона «Сундуки», расположенного в пограничье горно-таежной зоны Кузнецкого Алатау и степей, а также топких болот и озер междуречья долин Июса и Енисея. Судя по открытым в зоне «Сундуков» многочисленным высокогорным святилищам и живописным скальным храмам, долины рек Белого и Черного Июса в районе их выхода из теснин хребтов Кузнецкого Алатау, следует, очевидно, воспринимать как крупнейший кульгово-религиозный центр севера Хакасии времен финала тагарской эпохи (V—I вв. до н.э.).

На обширных территориях Южной Сибири от Среднего Енисея до Верхней Оби обнаружены десятки кладов, и среди них — *Июсский*, состоящий из многочисленных бронзовых предметов искусства тагарской эпохи

Бронзовые пряжки (а) и подвеска (б) (конец I тыс. до н.э.); зеркало с knobчатой рукояткой (в) (середина I тыс. до н.э.). *Июсский клад*

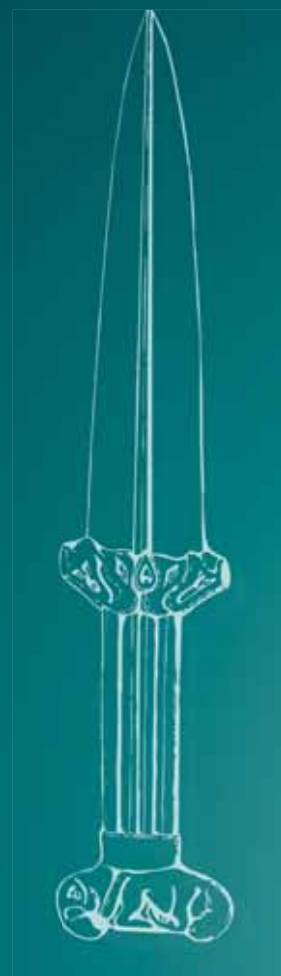
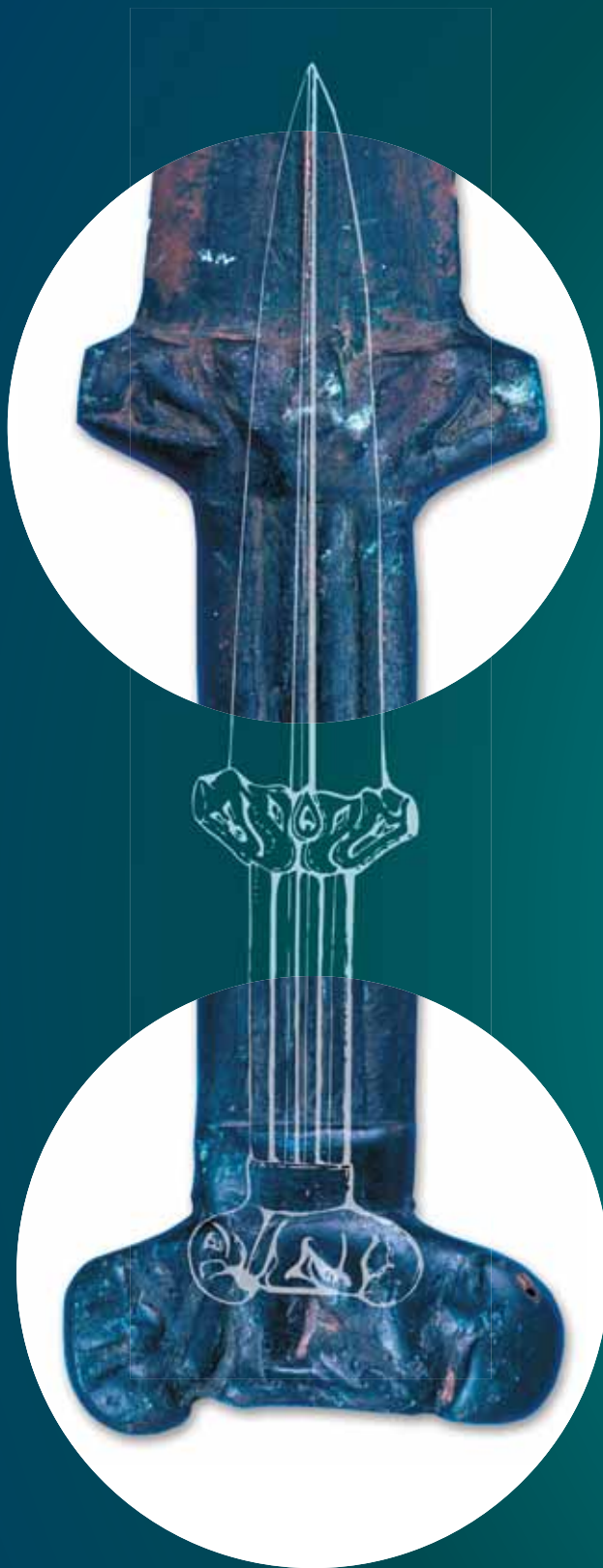
Священные атрибуты

Июсский «клад» — совершенно уникальная по полноте и разнообразию подбора и превосходной сохранности коллекция предметов искусства из бронзы. Благодаря ему стало возможным, наконец, разрешить самую сложную, и в то же время кардинальную по важности, проблему истинного назначения ажурных бронзовых пластин — изделий художественного литья, известных ранее по другим находкам. Большинство из них было определено как поясные бляхи, что стимулировало основное внимание исследователей к способам крепления таких пластин на одежде. На вопрос же о том, кому они могли принадлежать, исследователи обычно ограничивались предположениями, что владельцы таких поясов занимали, очевидно, в древнем обществе какое-то особое высокое социальное положение.

Однако специфический подбор подобных предметов в Июсском кладе, соединенных с помощью превосходно сохранившихся кожаных ремешков, не оставляет сомнений в том, что они представляют собой металличе-

Кожаный ремень со связкой бронзовых колец и пряжек (фото слева); поясные пряжки с изображением дракона (фото справа, конец I тыс. до н. э.).
Июсский клад

Ажурные бронзовые пластины, соединенные с помощью кожаных ремешков, представляют собой металлические детали священного одеяния первобытного жреца

кие детали священного одеяния первобытного жреца. Такие изделия действительно нашивались на одежду или подвешивались к ней, но функции их отнюдь не определялись лишь необходимостью свести вместе полы одежды или концы пояса. Так же, как и разного рода металлические предметы на сибирских шаманских костюмах, хранящихся в этнографических отделах музеев, они несли, прежде всего, значительную смысловую нагрузку. Пластины олицетворяли образы (а при ударах между собой — и «голоса») духов, а также лики небесных светил, и, в первую очередь, — переменчивой, то «умирающей», то «воскресающей» луны.

Сама июсская находка, строго говоря, является не «кладом», а комплектом вещей умершего жреца, предназначенных для его священнодействий. Последние совершались, очевидно, около святилищ-храмов, вроде тех, что были открыты недавно в районе поселка Июс. Найденный среди атрибутов жезл с навершием в виде фигуры горного козла свидетельствует о том, что жрец с берегов Июса мог принадлежать к одной из самых высших категорий служителей древних культов. Считалось, что такой священный посох-жезл мог «при желании» переносить его владельца, как по мановению волшебной палочки, в места, доступные лишь избранным, — в глубины бездонного голубого неба, обитель светлых духов, и в мир мертвых — в мрачные бездны преисподней.

Мир, «отраженный» в акинаке

Одним из наиболее значимых предметов в Июском кладе является бронзовый кинжал — *акинак*. Его *перекрестье* (рукоять — клинок) выполнено в виде объемных, двусторонних *протом* (от греч. *protome* — *передняя часть*, скульптурное изображение передней части животного) головы кабана, *навершие* рукояти — двумя объемными фигурами кошачьих хищников, пантер. Общий зооморфный декор на кинжале выполнен таким образом, что для его обозрения и восприятия клинок должен быть расположен острием вверх. Эта особенность достаточно редка для колющего оружия скифского времени. Чаще всего в кинжалах, декорированных в скифо-сибирском зверином стиле, украшение

Бронзовый кинжал скифского времени — *акинак*, ритуальное оружие древнего жреца. В средней части кинжала, над рукоятью, опирающейся на тела двух пантер, расположены кабаньи головы (VI—V вв. до н. э.). *Июсский клад*

Бронзовые поясные пластины хуннского времени с изображением единоборств быков. (Конец I тыс. до н.э.) Июсский клад

рукоятки воспринимается в «правильном положении» лишь при расположении кинжала в ножнах на поясе, т.е. клинком вниз.

Длина рукоятки и июсской находки соотносится с длиной клинка по «золотому сечению». Помимо того, в «золотом сечении» соотносятся: рукоять с навершием и клинок с головами кабанов; высота втулки навершия и высота фигур животных; размеры фигур пантер (длина обеих фигур пантер) и втулки; длина обеих голов кабана и ширина рукоятки.

При анализе художественной структуры кинжала обращает на себя внимание целый ряд особенностей. Во-первых, фигуры противоборствующих животных не составляют единую композицию смертельной схватки извечных соперников, столь типичную для сцен «терзания» скифо-сибирского звериного стиля. Они четко отделены друг от друга, как бы разведены рукоятью, размещаясь на разных уровнях изделия. Облик персо-

нажей также отличается: головы кабанов воинственно подняты, а у пантер опущены, что не совсем обычно для хищников. Хотя такое положение головы может соответствовать моменту выслеживания добычи и подготовки к нападению.

Пространственное размещение фигур животных отличается своеобразием: объемные звериные изображения даны в специфической горизонтальной проекции. Кабаньи протомы, имея одно (общее на двоих) ухо, показаны одновременно как бы с двух (левой и правой) сторон; некоторые тела пантер перекрывают тела соседствующих хищников примерно на 2/3. Благодаря такому расположению животных при вращении кинжала в противоположную сторону создается впечатление, что фигурки как бы двигаются друг за другом. Эта особенность изображения пантер при их объемно-скульптурной моделировке отражает, вероятно, круговое бесконечное движение хищников.

Образы же, расположенные в верхней части (головы кабанов) — статичны.

Кинжал оформлен так, что для нормального восприятия его украшения острие лезвия должно быть направлено вверх вместе с кабаньими фигурами на перекрестье. Тогда на спины пантер налегает тяжелым грузом трубчатая втулка, гнездо для рукоятки и сама рукоятка кинжала. Схожее композиционное оформление характерно для оснований колонн храмовых и административных комплексов у хеттов и ассирийцев.

Образ кошачьего хищника, явно соотносимый в представлениях древних индо-иранцев с так называемым Нижним миром, задает вполне определенную смысловую нагрузку расположению головы кабана. Этот персонаж, стилистически и физиологически сочетающий в себе признаки плотоядного и копытного, является своеобразным посредником между Нижним

и Верхним мирами. Структура оформления июсского кинжала вполне соответствует такой «логике».

Кабаньи головы располагаются в средней части кинжала, над рукоятью, опирающейся на тела двух хищников. Протомы, как известно, имеют явную связь с циклом культовых солярных отправлений с приношением жертв, которые совершались в «среднем мире» — мире людей — при обращении их к всевышним силам. При этом протомы часто отождествлялись с сосудом — *ритоном*, ведущим происхождение от отрубленной головы жертвенного животного. Таким образом, в этой схеме мироздания перекрестье (головы кабанов) олицетворяет земное пространство, «обитель жизни» людей и животных, а фигурное навершие (тела пантер) — «иной мир», обитель душ умерших, потусторонних богов и злых сил.

Не исключено, что Верхний небесный мир олицетворяло главное в оружии — сам клинок, его

устремленное вверх треугольное лезвие. Оно могло являться кодовым символом языка пламени, огня, изначального божества и Неба индо-иранцев, зерванистов и зороастрийцев, поклонявшихся Свету и Добру — олицетворениям единого божества Ахурамазды. Оружием в нескончаемых сражениях с Мраком и Злом, воплощенных в Ахримане, и был, вероятно, этот упорядоченный Создателем «мир», воплощенный в кинжале, вознесенном его карающей рукой.

Для семантической интерпретации кинжала можно также проводить параллели с *митраизмом* — более поздней восточной религией, получившей признание в эллинистическом мире в последние века до н. э.

Культовые кинжалы Сибири

На территории юга Западной Сибири известны всего три находки кинжалов, подобных Июсскому. Один из них, случайно обнаруженный у села Каменка Енисейской губернии, хранится в коллекции, собранной И. А. Лопатиным в конце XIX века. Второй, оказавшийся среди изделий найденного в 1958 г. Бурбинского клада, был передан в Томский областной краеведческий музей Р. А. Ураевым. Еще один — случайная находка в Минусинской котловине — приобретен в 1996 г. Н. П. Макаровым для Красноярского краеведческого музея.

Бронзовое объемное навершие жезла жреца в виде горного козла *теке*. (VIII—VI вв. до н. э.). *Июсский клад*

Найденный среди предметов Июсского клада жезл с навершием в виде фигуры горного козла свидетельствует о том, что жрец с берегов Июса принадлежал к одной из самых высших категорий служителей древних культов. Считалось, что такой священный посох-жезл мог переносить его владельца в места, доступные лишь избранным, — в обитель светлых духов и в мир мертвых

Бронзовая поясная пластина хуннского времени со стилизованным изображением змей (конец I тыс. до н.э.).
Июсский клад

Все четыре бронзовых кинжала, вероятно, связаны с культовыми местами эпохи раннего железа на юге Западной Сибири. Основанием для такого предположения может служить несколько фактов из археологических и письменных источников скифской эпохи.

Так, на Алтае в культурном слое поселения скифского времени Чепош-2 (среднее течение реки Катунь) был найден жертвенник из сланцевых плиток в виде круга диаметром около метра. В северо-восточной части жертвенника в слое костей находился бронзовый кинжал с обломанным еще в древности острием. Типологически этот кинжал близок к июсскому и его аналогам.

Еще один схожий бронзовый кинжал, входящий в состав риту-

ального комплекса V—III вв. до н.э., найден в устье реки Малой Киргизки в Томском Приобье. На самом высоком участке гривы в ямке был установлен бронзовый котел. И он сам, и яма вокруг него были заполнены углистой землей. Наличие кинжала и пережженных костей может свидетельствовать о жертвоприношении, которое, как и в упомянутых алтайских жертвенниках, связано с огнем. На этих ритуальных площадках совпадает целый ряд деталей: расположение на наиболее возвышенном участке местности, размеры культовой площадки, расположение бронзовых предметов в северо-восточной части жертвенника, сожженные кости.

В описаниях скифских святилищ северного Причерноморья, сделанных Геродотом, читаем: «В каждой скифской области по округам воздвигнуты такие святилища Аресу: горы хвороста нагромождены одна на другую на пространстве длиной и шириной почти в три стадии, в высоту же меньше. Наверху устроена четырехугольная площадка, три стороны ее отвесны, а с четвертой есть доступ. От непогоды сооружение постоянно оседает, и потому приходится ежегодно наваливать сюда до полтораста возов хвороста. На каждом таком холме водружен древний железный меч. Это и есть кумир Аресу».

В частности, в характерной для скифо-сибирского мира индо-иранской мифологии расположение ритуального комплекса на самом высоком месте окружающей территории олицетворяет связь с Мировой горой. Июсский и чепошский кинжалы были действительно обнаружены рядом с горными возвышенностями — реальными образами мироздания. А медный или бронзовый нож (кинжал) издавна являлся одним из неотъемлемых атрибутов жертвы божеству достаточного высокого ранга.

Судьба Июсского клада

С хронологической точки зрения во всем собрании Июсского «клада» именно кинжал, наряду с зооморфным трубчатым навершием «посоха», является наиболее древним изделием. Учитывая его особую семантику, несомненно, что именно с кинжала и начался процесс накопления вещей культового назначения, составивших в дальнейшем Июсский «клад». Как и другие клады Причудымья, он сформировался как комплект ритуальных атрибутов V—I вв. до н.э. накануне опустошительного гуннского нашествия в южные пределы Сибири. Об этом времени свидетельствуют и находки бронзовых блях с быками и драконами.

Особенности мест находок так называемой *тагарской бронзы* — котлов, кинжалов, блях — позволяет предполагать, что все эти предметы являются атрибутами древних родовых святилищ различного

ранга, располагавшихся в степной Хакасии, Мариинско-Ачинской лесостепи, Причудымье. Как известно, в первой половине 1 тыс. до н.э. в рамках тагарской культуры в долине Среднего Енисея складывается мощный бронзолитейный центр. Высококачественные тагарские бронзовые изделия — котлы, ножи, кинжалы, подвески, зеркала — в эпоху раннего железного века получили широкое распространение по всей территории Сибири, включая северные таежные территории. Однако основная концентрация предметов тагарского бронзолитейного производства находилась в районе бассейна реки Чулым, что является следствием существования здесь в древности торгово-обменного пути, связывавшего различные территории от Среднего Енисея до Верхней Оби.

Поскольку «клады» последовательно формировались в течение не менее 300—500 лет, детальное изучение их расположения, относительной хронологии и материаловедческие анализы изделий дают уникальную информацию по истории материальной и духовной культуры народов Южной Сибири в период, соответствующий скифскому и гунно-сарматскому времени. Более того, открытие на берегах Июса позволило проникнуть в святая святых, что обычно остается тайной за семью печатями, в интеллектуальный мир древнего человека с его удивительными представлениями о вселенной и о себе самом.

Разумеется, успех в столь сложных по характеру исследованиях невозможен без тщательного учета мельчайших деталей. И с этой точки зрения Июсскому «кладу» повезло: это бесценное историко-культурное достояние общества попало в руки С. А. Фефелова, настоящего бескорыстного ценителя старины. Повезло и археологам, у которых оказалась не разрозненная и наполовину растерянная, как зачастую случается, коллекция, но все, до мельчайшей бусинки, детали одежды и атрибутики древнего жреца. А это и есть настоящий клад, который настоящий ученый не променяет ни на какие пиратские сокровища...

*Фотографии экспонатов
В. Кавелина
(ИАЭТ СО РАН, Новосибирск).
Прорисовки кинжала —
А. Бородавского
(ИАЭТ СО РАН, Новосибирск)*

